

В.Л. Дуров

Дрессировка животных

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 636
ББК 45/46
В11

В11 **В.Л. Дуров**
Дрессировка животных / В.Л. Дуров – М.: Книга по Требованию, 2023. – 530 с.

ISBN 978-5-458-44107-0

Психологические наблюдения над животными, тренированными по моему мнению (40 летний опыт).

ISBN 978-5-458-44107-0

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

В В Е Д Е Н И Е.

Цель моей книги состоит в том, чтобы на основании моего полувекового опыта, как это ни странно, указать на громаднейший пробел в мировой человеческой культуре, состоящий в том, что человек прошел мимо своего богатства, т.-е. мимо животного мира. Из множества различных видов животных человек приблизил к себе только около сорока. Если предположить, что это случайность, что человек по пути своего развития уклонился от животного мира и пошел по пути механических изобретений, то опять-таки становится обидно за то, что человек не прогрессировал параллельно в том и другом направлении, ибо эти направления могли бы великолепно дополнять друг друга, и получился бы грандиозный плюс к усовершенствованию жизненных удобств человека.

Все это произошло только потому, кажется, что не было так много тысячелетий науки зоопсихологии. И вот в эту-то молодую науку, в этот будущий грандиозный храм я и хочу вложить свой кирпичик.

Этот мой кирпичик состоит, прежде всего, из моего способа дрессировки (описание его составит первую часть моей книги), который откроет нам новые горизонты.

И вот эти мои знания и добытые результаты я хочу отдать народу, как долг за то, что он своим посещением моих представлений и своим сочувствием и моральной поддержкой дал материальную возможность вести мою работу.

Поперхнувшись славой и употребив последний лавровый лист в минувшее голодное время в суп (простите за шутку), я спешу собрать все мои литературные труды, заметки, читанные мною лекции по психологии и зоопсихологии, секреты (которые мы, артисты, скрываем друг от друга из-за конкуренции и от публики, дабы продать подороже, т.-е. поэфффектнее свою работу) и принести их на общественный алтарь.

По-моему, это будет не просто книга, а зеркало моей жизни и трудов. В ней я коснусь и психологии людей, так как эпоха, обстановка и соприкосновение с различными личностями, отражались различно на моей дрессировке животных, напр., эпоха мировой войны дала моей дрессировке совершенно новое, иное направление: я забросил показательную дрессировку для увеселения и просвещения народа ¹⁾ и обратил ее на спасение человеческих жизней и на дьявольские способы массового уничтожения, как радикальную меру для прекращения самоистребления. А теперь мои мысли направлены иначе: дрессировку применить, как живую силу, для культуры и просвещения на благо трудящихся всего мира.

Побудительным стимулом зоопсихологической работы моей жизни явилась внутренняя уверенность в том, что психология животного также доступна воздействию путем сугестии, путем восстановления нити взаимного понимания между психологией животного и человека. Эту точку зрения я положил в основу дрессировки, в основу волевого воздействия на психику животного. Таким образом, я раз навсегда отказался от метода воздействия на животную психику путем насилия, метода, легшего в основу дрессировки во всех странах. Путем ласки, путем установления взаимного доверия, я старался довести психику животного до состояния обезволивания.

Когда таким путем проникновение в подсознательный мир животного уже не встречало препятствий в волевом самостоятельном противодействии животной психики, я имел возможность путем внушения свободно сугестировать мою волю с соответственной животной психикой. Короче говоря, в основу моей дрессировки была положена проповедь любви, проповедь, отрицающая всякое насилие, проповедь методов, переносящих космическую борьбу между отдельными организованными индивидуумами из мира физического насилия в мир интеллектуального, психофизиологического взаимодействия. Я стремился мобилизовать этот мир, как идеальный мир для мироздания будущего.

Я шел, таким образом, с моими животными, с моими друзьями к великому царству справедливости, которое в человеческих отношениях грядет, как конечный идеал социализма.

Для меня было само собой понятно, что моей аудиторией не может быть соответственный научный институт, в тесном смысле этого слова. Ведь для моей работы необходимо верить в взаимодействие крупных комплексов людей (посетителей цирка), с одной сто-

¹⁾ Политической шуткой, сатирой и популяризацией естествознания.

роны, собственная психика—с другой, и, наконец, мои дрессированные животные—с третьей. Здесь, в этой аудитории, я широко ставил мои опыты, здесь я выступал с широкой пропагандой моего психологического миропонимания, и в этой аудитории, в которой были цирк и сама жизнь, я углублял, доказательно проводил то, что явилось целью всей моей жизни.

На первых же порах моей жизни я убедился, что для фиксации внимания моей аудитории необходимо в первую очередь отказаться от официально—научных методов популяризации; для живого интереса слушателей необходимо воспользоваться демократическими приемами шута русского балагана, этого самобытного художника, который достигал великого счастья, психологического симбиоза с широкими массами демократии. Поэтому я отказался от официального фрака лектора и одел шутовской костюм. Я могу засвидетельствовать лучшими моментами моих научно-артистических переживаний, что обе протянутые мной руки: одна—к демократической аудитории, другая—к миру моих животных друзей,—обе не оставались в воздухе. Мне удавалось достигать моментов нечеловеческого счастья претворения идеала в действительность. Между нами—три элемента, упомянутыми выше, устанавливался контакт единого психологического переживания, а стало быть и взаимопонимания. Вот почему моя работа доселе была своеобразною, шла своими путями, в стороне от официальной психологической экспериментальной работы. Вот почему между мною и академическим миром кадровой профессуры будут всегда существовать пункты и тезисы противоречивых научных заключений, ибо методы и цели нашей работы были различны.

Ныне, на старости лет моей мечтою было бы дополнить мою деятельность путем воссоздания соответственных зоопсихологических лабораторий и правильно обоснованных зоопарков с показательными выставками.

Близко соприкасаясь с жизнью, реагируя на нее, как артист и естествоиспытатель, я бы хотел, чтобы учреждения, мною проектированные, имели научное, общественное и экономическое значение. Меняясь взглядами с работниками советской общественности в области продовольствия и животноводства, мне удалось выяснить возможность проведения в жизнь учреждений, имеющих как научное, так и серьезное прикладное значение. Основание такого учреждения при Зоологическом саде могло бы дать возможность в ближайшем буду-

щем создать рассадники и резервуар правильно поставленного животноводства и в других местах, где это необходимо. Возможно было бы создать учреждение, имеющее научное, популяризационное и прикладное значение.

Во второй части моей книги я представлю разработанный проект такого учреждения. При правильной постановке дела, оно может стать центром дальнейшей плодотворной разработки науки о психологии животных, не говоря уже об огромном практическом значении такого учреждения.

В части I моего труда я поделюсь с читателями теми наблюдениями над психикой животных, которые я сделал.

Мне хочется, чтобы животные перестали быть для человека какими-то ходячими машинами ¹⁾, которые он может эксплуатировать, как ему угодно, и по отношению к которым он не чувствует никаких нравственных обязательств.

Пусть он почувствует в животном личность, сознающую, думающую, радующуюся, страдающую. Понимая и уважая психику животного, он будет лучше понимать и уважать психику человека, а от этого взаимного понимания лучше станет жить.

Изучение психики животных с этой точки зрения приучит человека не только понимать, но и любить животное и вызывать его любовь к себе и тогда пользоваться его услугами часто и с его же желания; как проявление этого в некоторой степени мы часто встречаем у охотничьих собак в настоящее время. А при таких условиях пользы будет, конечно, значительно больше. Для изучения психики животных полезно было бы прежде всего решить следующие вопросы. Мы отлично знаем все душевные переживания наши, как-то: чувства, представления в мозгу, желания, стремления, влечения,—все это, мы, люди, называем психическим внутренним миром нашим.

Имеют ли животные свой внутренний психический мир? А если имеют, то какой? Такой ли, как наш, или особый другой? Если другой, то похожий ли на наш? Если похожий, то чем?

Для того, чтобы ответить на все эти вопросы, мы должны тщательно изучить психику животных.

Ученые, занимающиеся разрешением этих вопросов зоопсихологии делятся на два мира: на субъективистов и объективистов.

¹⁾ Взгляд, установленный со времен Декарта. и спорный еще до сих пор.

Первые изучают эти вопросы с своей точки зрения, сравнивая личные душевные переживания с переживаниями животных.

Объективисты отвергают подобный метод, а судят о психике животных только по поведению его, по наружным, видимым проявлениям этого поведения. Споры и критике нет конца.

Я в своем труде не придерживаюсь никаких заранее предвзятых направлений и тем не ставлю себя в ограниченные рамки, описывая в I части так, как могу, знаю и понимаю, а потому для критики обеих лагерей могу служить хорошей мишенью; но прошу меня щадить, ибо я многого и многого не знаю: я практик, самоучка и только. Как я уже говорил выше, в последующих частях настоящего труда, я коснусь также психики не только животных, но и людей, а также и своих собственных переживаний, начиная с моего детства. Считаю, что душевные переживания как человека, так и животного в значительной степени подвергаются влияниям окружающей обстановки, воспитывающей все переживания индивидуума.

Физические явления, а с ними и психические переживания каждого живого существа со дня своего зачатия, зависят от эволюции окружающей жизненной обстановки. Изменение этой физической обстановки в свою очередь изменяет и психические явления, а с ними и душевные переживания индивида. Я, одна из песчинок животного мира, благодаря меняющейся жизненной обстановке, воспитавшей мои психические переживания, создал этот труд, как синтез всех моих переживаний, хотел бы назвать его просто: „Я“. ¹⁾ У меня создалась особая жизненная обстановка, особые условия; у другого эти условия—другие, у третьего—третьи и т. д. Каждый из нас пишет по-своему, и в каждом отдельном случае труды будут отличаться друг от друга; но для того, чтобы труд каждого был достаточно усвоен и понят с точки зрения автора, который написал его, соответственно своим переживаниям, необходимо, по-моему, ознакомиться с обстоятельствами, вызвавшими эти переживания, т.-е. читателю должна быть известна возможно большая часть жизни автора.

Вот почему я считаю возможным коснуться биографических данных из своей жизни во II части.

1) Обстоятельства заставили меня изменить это мое намерение. Большинство моих близких, при обсуждении названия „Я“, признали его не соответствующими научному содержанию книги. Я подчинился.

Да послужит это общим введением ко всей моей книге, а каждая часть ее будет иметь свое отдельное предисловие.

В заключение считаю своим приятным долгом принести глубокую признательность инж. Б. Б. Кажинскому, много потрудившемуся в деле систематизации того обширного материала из моих работ, который составляет теперь текст предлагаемой вниманию читателей книги.

В. Ч. Дуров.

Москва, 6 декабря 1923 г.

Г Л А В А I.

Взаимоотношение психики человека и животного.

В первой части моей книги я опишу возможно полнее мой способ дрессировки, коим мне удалось достигнуть таких результатов, которые не были достигнуты общепринятыми способами. Полагаю поэтому, что мой способ заслуживает внимания, и особенно в виду того, что мне не приходилось нигде больше встречать применения таких приемов дрессировки, как мои. Они созданы и разработаны мною. И мне хотелось бы, чтобы они сделались достоянием общества и послужили бы ко благу человека как практическими результатами, к которым они приводят, так и теми интересными теоретическими выводами, которые из них вытекают.

Но мой способ есть способ живой; чтобы вполне усвоить его, нужно бы работать вместе со мной, изо дня в день, наблюдая животное и методически действуя на него. Я боюсь, что изложенный в виде короткого сухого описания, он не будет понят в достаточной степени. А потому я решаюсь помимо, более или менее краткого систематического изложения метода, поместить в этой книге и целый ряд подробностей, мелких фактов, различных случайностей, протоколы опытов, а также мои мысли по поводу их и т. п. Иногда я буду делать большие отступления в сторону. Но все это в конце-концов будет направлено к одной общей цели. Пусть читатель как бы сам присутствует при моей работе, и пусть из этих подробностей и второстепенных фактов он восстанавливает для себя полную картину моего метода.

Начну рассказом о том событии моего детства, которое толкнуло меня к тому, чтобы большую часть моей жизни посвятить миру животных.

Я воспитывался в московской военной гимназии (впоследствии кадетский корпус). У нас, воспитанников, была любимая собачка „Жучка“, с которой мы ходили на стрельбу, играли на плацу и кор-

мили ее, уделяя кое-что из своего казенного стола. Дядька наш завел себе другую собаку, а нашу как-то обварил кипятком. Мы, воспитаники, в числе восьми человек, собрались на совет, решили отомстить дядьке и присудили принадлежащую ему собаку к смертной казни через повешение. Кинули между собою жребий, кому привести в исполнение приговор. Жребий пал на меня. Подманив предательски собаку к себе и накинув на нее петлю, я повел ее в сарай. Собака, помахивая хвостом, доверчиво пошла за мной. Перекинув конец веревки через балку, я начал ее тянуть. Хрип собаки, какой-то незнакомый мне страх, заставил сильно биться мое сердце. Холодный пот выступил у меня на лбу. Я чувствовал, что совершаю что-то необыкновенное, что-то из ряда вон выходящее. Мысли мои пронеслись в голове одна за другой. Имел ли я право отнимать жизнь, которую не давал? Почему я так волнуюсь, что скажут товарищи? Я трус? Нет! «Но честь мундира», жребий, все это заставило меня крепче зажать в руке веревку и сильнее ее тянуть к низу. Не глядя на собаку, я сделал над собою усилие и сразу потянул веревку. Тяжесть дрыгающего тела, хрип собаки, сильно бьющееся мое сердце, дрожь всего тела, мысль, что я совершаю преступление, — все это заставило мою руку выпустить веревку. Тело упало. У меня как будто что-то внутри оборвалось.

В этот миг я полюбил умирающую собаку. Первая мысль была скорей прекратить ее страдания, т.-е. добить. «Бедная! Она сейчас мучается, скорей, скорей». Я хватаю первый попавшийся на глаза камень и, не глядя, бросаю в собаку. Глухой удар во что-то мягкое, я с ужасом оборачиваюсь и смотрю на собаку. Полные глаза слез, с выражением страдания и глубокой тоски, укоризненно, кротко смотрят на меня, как бы спрашивая: «За что? Что я тебе сделала?» Ноги мои подкосились и я упал без чувств. Когда я очнулся, то уже лежал в нашем лазарете (заболел нервной горячкой). Первое, что я увидел у подошедшего ко мне фельдшера, это глаза собаки страдальческие, укоризненно вопрошающие. Куда бы я ни смотрел, всюду видел эти тоскливые печальные глаза. С тех пор я понял, что и животные, также как и мы, люди, любят, страдают, радуются и наслаждаются. Я понял, что они такое же имеют право на жизнь, как и мы. На мое счастье, камень, брошенный мною, попал в глину. Собака осталась жива и потом попрежнему доверчиво подходила ко мне, помахивая хвостом. Ее ласки еще больше заставляли мучиться мою совесть. С тех пор со мной случился полный переворот: я ни одного животного не пропускал мимо себя без особого к нему вни-

мания и даже уважения. Я узнал тогда то, чего люди обычно не знают. Человек, царь земли, в своей гордости не желает снизойти к животным и принудить себя хоть немного понять их. Между человеком и животным вечное недоразумение.

Человек не понимает психики животного, а животное психики человека.

И от этого часто человек не может добиться от животного того, чего он хочет.

Мой способ дрессировки основан на изучении и понимании психики животного. Искусство этого обучения животных в том и состоит, чтобы правильно понимать психику животного.

Но каким образом познается животное? Для этого, кроме длительного наблюдения и тщательного изучения индивидуальных особенностей данного животного, необходимо прежде всего, во-первых, знакомство с естественной средой, среди которой рождается животное и где протекает его жизнь (ибо внешние условия его жизни накладывают отпечаток на внутренние его свойства), и, во-вторых, научное знакомство с его «историей», а также с теми явлениями, в его поведении, которые объясняются атавизмом. Атавизм, т.е. проявление у потомков особенностей их предков, помогает нам разобратся в иных поступках животных, которые не вызваны данной обстановкой, но которые с первого взгляда, могут вызывать резко-несправедливое заключение об уме животного. Например, собака, перед тем, как ей лечь на диван, вертится несколько раз, свертывается в клубок и затем уже ложится на этом месте. С первого взгляда вам кажется, что с собакой что-то случилось. Вы при всем желании не можете найти объяснения ее действиям и называете собаку глупой. Вот тут-то вам и приходится воспользоваться вашим знанием истории происхождения данного животного. Закон проявления атавизма помогает вам разъяснить многое, на первый взгляд неразъяснимое. Отдаленные предки собак, жившие в диком состоянии в степях или на полях в высокой траве, кружились на одном месте, дабы своим телом смять траву и устроить таким образом себе логовище для спанья. Еще пример несправедливого заключения об уме животных.

Лошадь испугалась бумажки, лежащей на дороге, понесла и разбила вдребезги экипаж. Вы говорите, какая глупая лошадь и чего она испугалась? Человек обвинил лошадь, назвав ее глупой. Давайте же попробуем разобраться. Глупа ли она на самом деле? Природа,

которая умнее всех вместе взятых, устроила так: одним животным подарила прекрасное зрение, но зато слабое обоняние,—другим, наоборот, слабое зрение и превосходное обоняние. Лошадь имеет по природе слабое зрение и хорошее обоняние. Она, вследствие своего природного недостатка, пугается какой-то бумажки, зато в туманную погоду, когда ни зги не видно, она вас довозит до самого дома. Итак, лошадь испугалась и понесла. Почему понесла?

Природа распределила животных на убегающих и защищающихся. Убегающие: лошади, олени, лани, газели и др., защищающиеся: быки, коровы, буйволы, бизоны и др. Первобытное место нахождения лошади—степь, простор, где она всегда могла спастись от опасности бегством.

Человек взнуздal лошадь, впряг ее в экипаж, стянув со всех сторон, и в городах по узким переулкам заставил возить тяжести. Но вот испуг (прирожденное чувство) и... проснулось прежнее забытое, заглухшее чувство свободы. И лошадь, ничего не видя, бросилась как вихрь вперед, ломая все на своем пути, и часто разбиваясь сама. Виновата ли лошадь и можно ли за это назвать ее глупой? Лошадь, как было выше упомянуто, по природному инстинкту ищет спасения от опасности в бегстве.

У меня часто спрашивали дети: «Как это вы выучили глупых скотов?» Да глупы ли они, спрошу я вас? С точки зрения животного мы, люди, может быть, иногда бываем куда глупее их. И у них может быть такой же односторонний взгляд на нас, как и у нас на них,—шутил я. Кошка, может быть, в душе смеется, когда увидит, как люди мечутся одни с железными кочергами по комнате, а другие вскакивают на стол или падают в обморок, при виде малюсенького мышенка. А маленький зверек с сильно бьющимся сердечком ищет только выхода, куда бы удрать от вооруженных «великанов». Кошка смотрит и удивляется: «Стоит, мол, мне лапой цап,—и нет мышенка». Кто здесь умнее из троих: человек, кошка или мышенок? Судите, дети сами.

Боязливое чувство к крысам и брезгливость, ни на чем разумном не основанная, к в высшей степени чистоплотным грызунам по моему; у человека происходит вследствие неправильного понимания. Подробнее о крысах я скажу ниже.

Часто мне задают вопрос: «какое, по-вашему, самое умное животное»? Самый вопрос я считаю неправильно поставленным. Каждое животное умно по-своему. Я даже не скажу, как это ни будет парадоксально, что человек «умнее» животного: он умен по-своему,